

О понятии «воздаяние» в 26-м свитке «Собрания стародавних повестей»*

М.В. Бабкова

Статья представляет собой анализ 26-го свитка «Собрания стародавних повестей» («Кондзяку моногатари-сю», XII в.), включающий перевод трёх историй, с целью выявить содержание понятия «воздаяние за поступки, совершенные в прошлых жизнях», давшего название свитку. При внимательном рассмотрении оказывается, что в историях обсуждаются чудеса, не имеющие явной причины, и события, происходящие с детьми или молодыми людьми. Обе особенности говорят о том, что 26-й свиток, служа общему замыслу составителей представить как воздаяние всё, что происходит с людьми, призван показать: даже если происходит нечто необъяснимое, причины чего нельзя обнаружить, оно происходит не само по себе, его причина скрыта в прошлых существованиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поучительные рассказы эцува, буддизм, закон кармы.

БАБКОВА Майя Владимировна – Институт востоковедения РАН, Москва, 107031, ул. Рождественка, д.12.; Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, 119606, просп. Вернадского, 82, стр. 9.

Кандидат философских наук, научный сотрудник ИВ РАН, старший научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС.

may.a.babkova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 3 октября 2018 г.

Цитирование: *Бабкова М.В.* О понятии «воздаяние» в 26-м свитке «Собрания стародавних повестей» // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 86–97.

Разноликость буддизма как духовной традиции, многообразие его форм – основная причина, побуждающая говорить о недогматичности этой мировой религии, особенно в сравнении с христианством, об отсутствии у нее положений вероучения, обязательных для всех ее последователей. Но на самом деле есть целый ряд положений, принимаемых всеми буддистами: это и признание Будды Шакьямуни великим учителем, открывшим для людей путь к спасению от страданий, и представления об иллюзорности воспринимаемого чувствами мира, и другие. В частности, к буддийским догматам относится вера в действие закона взаимозависимого возникновения. Согласно ему, всякое событие или явление в мире обусловлено неким предыдущим событием или явлением и одновременно влечет за собой некое последующее событие или явление. Для людей важны неразрывно связанные с этим законом понятия «карма» и «пратитья-самутпада». Пратитья-самутпада (*энги*, «взаимозависимое возникновение») отсылает к концепции причинности, увязывающей в двенадцатичленную замкнутую цепь те этапы, которые непробужденное сознание думает, что проходит, в бесконечном движении по иллюзорному миру страданий, колесу сансары.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00558 «“Собрание стародавних повестей” (“Кондзяку моногатари-сю”) в истории японской религиозно-философской мысли».

© Бабкова М.В., 2019 г.

«Карма» же (*го:*, «дело», «действие»), важнейшая категория в индийской философии вообще, в буддизме предполагает любой акт, имеющий какой бы то ни было результат. Учение о законе кармы, в отличие от закона взаимозависимого возникновения, напрямую связывается с этикой: и само действие, и его последствия оцениваются как благие или дурные. В жизни простых людей закон кармы проявляется в правиле: всякий поступок приносит некие плоды тому, кто его совершил. Доброе или дурное дело может привести к вознаграждению или, соответственно, наказанию не только в ближайшее время, но и спустя годы или века в черед перерождений.

Буддийские мыслители рассуждают: воздаяние (*хо:*) настигает людей неизбежно, вопрос только в том, произойдет это раньше или позже. Различают воздаяние трех видов (*сампо:*): прижизненное (*гэмпо:*), воздаяние в следующей жизни (*сё:хо:*) и отложенное (*гохо:*), то есть такое, которое настигнет нас через два и более перерождений. В текстах, где речь идет о воздаянии трех видов¹, внимание сосредоточено на моменте, когда человек принимает решение: они направляют взгляд в будущее и предупреждают людей, чтобы те учитывали последствия своих действий.

Другой подход, возможно, даже более ярко показывающий непреложность действия закона кармы, реализуется, когда читателям предлагаются истории, в которых происходящие с героями события интерпретируются как воздаяние за те или иные уже совершенные в прошлом поступки. Так устроены буддийские поучительные рассказы — *сэцува*². Здесь часто речь идет о «немедленном воздаянии» за дурное или благое дело. Так, в самом известном из ранних сборников сэцува «Японские легенды о чудесах» («*Нихон рё:ики*»), посвященном как раз прижизненному воздаянию³, есть «Слово о немедленном воздаянии за веру в бодхисаттву Каннон» (1–6), «Слово об издевательствах над человеком, “Сутру лотоса” читавшем, и о немедленном искривлении рта» (1–19), «Слово о наказании немедленной и мучительной смертью в этой жизни за издевательство над нищим монахом, просившим подаяние» (3–33) и др. В рассказах *сэцува* взгляд рассказчика направлен назад, в прошлое, а понятия «воздаяние в последующей жизни» и «отложенное воздаяние» объединяются в «воздаянии за поступки, совершенные в прошлых жизнях» (*сюкухо:*).

Среди дошедших до нас памятников литературы *сэцува* «Собрание стародавних повестей» («*Кондзюку моногатари-сю:*», нач. XII в.) — текст, крупнейший как по объему, так и по числу затронутых тем, охваченных слоев общества, географическим и хронологическим рамкам повествования⁴. Его составителем долгое время считался придворный Минамото Такакуни (1004–1077) по прозвищу Удзи-дайнагон, а сейчас большее признание получила версия о том, что рассказы, вошедшие в памятник, были собраны и отредактированы группой авторов в начале XII в. Собрание называется по первым двум словам каждого рассказа («в стародавние времена», *кондзюку / има-ва мукаси*) и состоит из 31 свитка, из которых три (8-й, 18-й и 21-й) утеряны или никогда не были написаны. Всего в нем более тысячи рассказов, собранных в три большие части. Первые пять свитков — индийские предания, главным образом связанные с жизнью Будды Шакьямуни. Свитки с 6-го по 10-й, китайские, содержат буддийские и конфуцианские рассказы. Свитки с 11-го по 31-й — японские истории о монахах, придворных, воинах, крестьянах, ворах и разбойниках, женщинах, детях и вообще всех жителях страны. Японская часть «Собрания» делится на две половины, «буддийскую» (свитки с 11-го по 20-й) и «светскую» (остальные свитки), в зависимости от того, кто является главным «действующим лицом»: будды и бодхисаттвы или же люди.

К японской «светской» части «Собрания» относится, среди прочих, 26-й свиток, озаглавленный «О воздаянии за поступки, совершённые в прошлых жизнях» («*Сюкухо:*»). Он включает в себя двадцать четыре рассказа, и в каждом из них события представлены как воздаяние, которое герои терпят сейчас за то, что сотворили в одном из прошлых рождений. Правда, распознать воздаяние здесь далеко не так просто, как в историях из «Японских легенд о чудесах». Я покажу, какое содержание здесь вкладывается в понятие *сюкухо:*, и сделаю некоторые предположения о том, чем руководствовались составители «Собрания», отбирая рассказы для 26-го свитка.

«Рассказ о том, как в краю Тадзима орел унес ребенка» (26—1). Младенца, ползавшего в саду, схватил орел и унес так далеко, что родители не смогли его найти. Через много лет отец девочки поехал по делам в другой край и случайно остановился в доме человека, который много лет назад спас ребенка из гнезда орла. Выяснилось, что спасенная девочка и есть потерянный младенец, родители и дитя вновь встретились.

«Рассказ о том, как путник, ехавший на восток, изверг семя в репу и от этого родился ребёнок» (26—2). Некий столичный житель по пути в восточные края не смог совладать с похотью и удовлетворил желание на чужом огороде, вырезав подходящее отверстие в росшей там репке. Юная дочь хозяина огорода случайно съела ту самую репку, забеременела и родила мальчика. Когда же путник ехал обратно, все персонажи этой истории случайно встретились, и путник решил взять в жены девушку, чудесным образом ставшую матерью его сына.

«Рассказ о том, как в краю Мино река Инаба вышла из берегов» (26—3):

С давних пор в краю Мино протекает большая река, она называется Инаба. При сильных дождях, когда вода прибывает, река эта совсем выходит из берегов. Прибрежные жители в пору разлива забираются куда повыше, чердаки в домах у них укрепленные, с прочным настилом, как на полу⁵, и при наводнении люди поднимаются туда и берут с собой и еду, и все припасы. Мужчины отправляются по делам на лодках или вплавь, а женщины и дети остаются на чердаках. Простолюдины называют такие чердаки [...]⁶.

Лет двадцать уж люди так жили, и вот река Инаба опять безмерно разлилась. На одной из крыш оказались две-три женщины и с ними четверо или пятеро детей. Пока воды было не слишком много, опорные столбы хоть и всплывали, но продолжали поддерживать чердаки. Однако потом вода поднялась настолько, что почти все дома смыло и очень много людей погибло. Чердак, на котором спасались те женщины и их дети, оказался прочным и не развалился, а поплыл по воде прямо вместе со столбом, как лодка по течению. Те, кто укрылся от наводнения, забравшись на высокую гору, смотрели, как он плывет, и говорили:

— Что-то с ними будет? Удастся ли им спастись?

Пока они судили да рядили, на полу [женщины] развели огонь в [...] ⁷ и принялись готовить еду. Но в это время задул сильный ветер, и пламя костра перекинулось на доски крыши. Только что люди рассуждали, не утонут ли [женщины и дети] в воде, а теперь [они слышали], как те зовут на помощь, пытаясь совладать с пожаром. Спасти их было некому. Наблюдатели только видели, как огонь спалил чердак дотла и все, кто там был, погибли.

Люди говорили:

— Невероятно: погибнуть от огня, плавая по воде!

И вдруг кто-то заметил мальчика лет четырнадцати-пятнадцати. Видимо, спасаясь от пожара, он нырнул в воду и поплыл. Наблюдатели рассуждали:

— Да, хоть он и спасся от пожара, нырнув в воду, а всё же ему не выжить. Должно быть, этому подростку суждено утонуть, таково его воздаяние [за совершенное в прошлой жизни].

Пока они разговаривали, мальчик плыл, и вдруг увидел, что из воды не больше чем на длину стебелька травы торчат зеленые листочки. Он уцепился за них и смог удержаться, так что его не смыло течением. Мальчик чувствовал, что листочки крепко за что-то держатся. «Наверное, это ветка дерева», — подумал он и тоже крепко уцепился за эту ветку. На реке Инаба после разливов вода сходит очень быстро. Вокруг становилось всё меньше и меньше воды, и дерево, на котором росла та ветка, постепенно показывалось все больше. Когда на поверхности очутилась развилка ствола, откуда росла ветка, мальчик уселся на нее, рассудив, что скоро вода совсем схлынет и он спасется. Солнце зашло, наступила ночь, и стало совсем темно, так что мальчик ничего не видел. Он подумал, что дождется утра, вода как раз сойдет и он сможет слезть с дерева,

и с нетерпением ждал, когда же, наконец, рассветет. Мало-помалу ночь сменилась днем, но вот мальчик смотрит вниз — и глазам не верит: сидит он, кажется, прямо в небе!

— Что это?! — воскликнул он и ещё раз глянул вниз. Он сидел на единственной хлипкой веточке дерева высотой в десять дзё [около 30 м] с совершенно голым стволом, которое росло на высокой скале, стоящей на краю глубокого ущелья.

Мальчик понимает: стоит ему шевельнуться, ветка обломится, и тогда он упадет и разобьется насмерть. Сделать он ничего не может, остаётся только молить о спасении [бодхисаттву] Каннон. Мальчик кричит и зовёт на помощь, но поблизости не было никого, кто мог бы его услышать. «Спасаясь от наводнения, очутиться в пламени пожара, а спасаясь от пожара, упасть с этого высоченного дерева и разбиться насмерть! Бедный я, несчастный!» — думает мальчуган, продолжая звать на помощь. Люди издали услышали его слабые крики, отправились искать, откуда доносится звук, и в конце концов обнаружили подростка, сидящего на дереве.

— Ах, это ведь тот самый мальчик, который вчера спасался от наводнения на чердаке, потом чуть не сгорел в огне, так что ему пришлось прыгнуть в воду. Как же ему теперь спастись? — говорят люди, но никто не может ничем помочь.

У дерева внизу нет ни одной ветки, ухватиться совершенно не за что. «Само дерево высотой десять дзё, и растёт оно на вершине утёса, так что не за что даже зацепить верёвку», — раздумывают люди. [О том, что случилось], услышало много народу: все собрались внизу, обсуждают, как быть, но никто не может ничего придумать. Тут мальчик закричал сверху:

— Я вот-вот упаду, больше нет сил держаться. Раз всё равно помирать, принесите как можно больше рыболовных сетей и растяните их все под деревом: авось я и выживу, если спрыгну на них.

Все согласились: ничего лучшего все равно не придумать. Собрали все сети, какие нашли, связали их между собой крепкими веревками и туго натянули так высоко, как могли. Мальчик, молясь про себя Каннон, спрыгнул с дерева прямо на сети и долго-долго летел вниз. Наконец, силой будд и Каннон, он упал и угодил прямо на сети. Люди глядят на все это и дивятся. Мальчик был все равно что мертвый и лежал неподвижно, пока его доставали из сетей. Но когда его стали приводить в чувство, примерно через час он очнулся.

Вот уж действительно чудо! Ему удалось выжить при стольких напастях — верно, таково его воздаяние за поступки, совершенные в прошлых жизнях. Люди и в соседних краях, кто об этом слышал, дивились и говорили:

— Если подумать, жизнь любого человека, как бы она ни складывалась, полностью зависит от того, какое воздаяние он получил за поступки, совершенные в прошлых жизнях.

Так передают этот рассказ.

«Рассказ о том, как Фудзивара-но Акихира в молодости навещал одну даму» (26—4). Акихира вместе с возлюбленной проводил ночи в доме одной простолюдинки, а ее муж решил, что к жене ходит любовник. Выследив Акихиру, он чуть не заколол его спящего мечом, но случайно увидел концы шнуров от роскошных штанов аристократа, понял, что к его жене такой любовник приходит не может, и опустил руку с занесенным мечом. Впоследствии все выяснилось, и в конце рассказчик объясняет, что не нужно знатным ходить в дома низших.

«Рассказ о сыне помощника наместника края Митиноку» (26—5). Длинная история со множеством подробностей о том, как мачеха задумала избавиться от пасынка — сына помощника наместника края Митиноку. Мальчика заживо похоронили в яме, но слуга, исполнитель злого замысла, в страхе не позаботился о том, чтобы как следует притоптать землю. Чудесным образом на месте преступления оказался любящий дядюшка мальчика, услышал чьи-то стоны и не побоялся раскопать яму. Обнаружив в ней полумертвого племянника, дядюшка, молясь буддам, бросился спасать ему жизнь.

Ему удалось вернуть мальчика к жизни, так что всё кончилось хорошо, а виновные понесли заслуженное наказание.

«Рассказ о том, как мачеха, одержимая злым духом, отвела падчерицу в чужой дом» (26—6). Рассказ опущен, сохранилось только заглавие. Возможно, он нужен для того, чтобы создать плавный переход сюжета: мачеха — пасынок/падчерица, а затем — взаимодействие людей с духами/божествами.

«Рассказ о том, как в краю Мимасака охотник перехитрил бога, и люди перестали приносить ему жертвы» (26—7); «Рассказ о том, как в краю Хида божеству-обезьяне прекратили приносить в жертву живые существа» (26—8). Два рассказа перекликаются, но в седьмом действии происходит в Японии в краю Мимасака, а в восьмом в некоем чужом мире, куда главный герой случайно попал из края Хида. И там, и там местные жители раз в год приносят человеческие жертвы божеству, имеющему облик обезьяны. В седьмом рассказе жертвой должна была стать девушка, и приезжий охотник тайно женился на ней, а потом спас её. Он залез в ящик для жертвоприношения вместо нее и взял с собой двух охотничьих псов. Божество оказалось обычной обезьяной, и охотник прогнал ее навсегда. В восьмом рассказе жертвой также была избрана девушка. Из края Хида в тот мир случайно попал монах-странник. Ему сказали, что пути назад нет, и женили на той девушке, не предупредив, что потом отдадут его в жертву вместо нее. Однако жена все же рассказала монаху о грозящей ему опасности, и он смог подготовиться. Он взял с собою меч и, когда его оставили на съедение божествам, точно так же, как охотник, победил обезьян.

«Рассказ о том, как в краю Кага люди высадились на острове и помогли змею-хозяину победить многоножку» (26—9). Семеро рыбаков на море оказались во власти ветра, и их лодку принесло к неизвестному острову. Оказалось, что хозяин острова не обычный человек, что он нарочно вызвал чудесный ветер, чтобы рыбаки помогли ему защититься от давнего врага. Юноша-хозяин научил рыбаков, в какой момент вступать в битву, которая должна была состояться на следующий день, и предупредил, что и он, и его противник будут не в человеческом обличье. Оказалось, что борются змей, хозяин острова, и гигантская многоножка с соседнего острова, желающая убить змея и захватить его территорию. Рыбаки помогли змею, а тот разрешил им поселиться на острове навсегда. Чудесный ветер вернул лодку с рыбаками в край Кага, они взяли домочадцев и вещи, связались со змеем, совершив обряд в святилище Кумата, и отправились на остров уже навсегда. Говорят, люди на острове живут и благоденствуют, но не пускают к себе чужеземцев.

«Рассказ о том, как брат и сестра из Тоса поселились на необитаемом острове» (26 — 10). Нерадивые родители недостаточно крепко привязали лодку, в которой оставили двоих детей-подростков: мальчика и девочку. Тех унесло на далекий остров. Поскольку семья изначально ехала на лодке сажать рис, у детей оказалась рассада и необходимый инвентарь. Они устроили поле, высадили рассаду, выстроили себе дом и так обустроили себе новую жизнь. Повзрослев, они стали супругами и родоначальниками целого народа.

«Рассказ о том, как в краю Микава из собачьей головы вытянули шёлковые нити» (26—11). У одного уездного начальника было две жены, которые занимались изготовлением шелка. У одной из них погибли гусеницы, дом захирел, и муж ее бросил. Через несколько лет несчастная женщина случайно нашла одну гусеницу и стала за ней ухаживать. Однажды случилось так, что её собака съела эту гусеницу. Женщина огорчилась, но вдруг из ноздрей у собаки начали выходить чудесные шелковые нити. Женщина намотала их на все, что только нашла в доме, и в это время мимо случайно проезжал её бывший муж. Супруги встретились, чиновник подумал, что было очень глупо бросать женщину, которой явно помогают сами будды, и вернулся к ней. А чудо-шелк после этого поставляли ко двору самого государя.

«Рассказ о том, как Потомок Фукэси из края Ното получил пояс» (26—12). Человеку по прозвищу «Потомок Фукэси» было явлено предзнаменование, и гадатель растолковал, что ему грозит смерть. Спасаясь от беды, Потомок Фукэси отправился жить на берег моря, увидел огромную волну, в середине которой бушевало пламя, и приготовился к смерти: сел, закрыл глаза и молитвенно сложил руки. Слуга, которого он взял

с собой, при этом видел только ровную гладь моря. Однако волна не убила Потомка Фукэси, а схлынула, оставив на берегу чудесный пояс. Владея им, Потомок Фукэси разбогател. Наместник края Ното всеми правдами и неправдами пытался заполучить пояс, так что Потомку Фукэси пришлось на много лет уйти в добровольное изгнание. Впоследствии он вернулся домой, подарил пояс другому наместнику, что был к нему добр, и пояс отправили в государевы сокровищницы.

«Рассказ о том, как помощник начальника стражи по прозвищу Господин Длинные Тесемки нашёл на Восьмой улице серебро и завладел им» (26–13). Помощник начальника стражи по прозвищу Господин Длинные Тесемки как-то, спасаясь от дождя, попал в бедную лачугу на окраине столицы. В домике он случайно обнаружил, что сидит на огромном слитке серебра и что старуха-хозяйка знает не знает о своем богатстве, мечтает избавиться от «камня». Он забрал слиток себе, якобы оказывая ей услугу, и разбогател. Купил никому не нужное болотце прямо возле дворца в столице, добыл в Нанива тростник, осушил свою землю, продал ее принцу и так полностью благополучно устроил свою жизнь.

«Рассказ о том, как подчинённый наместника края Митиноку нашел золото и разбогател» (26–14). У наместника края Митиноку был нелюбимый подчиненный. Наместник взял его с собой, отправляясь на место службы, но на заставе не включил его в списки, так что подчиненный, проделав долгий путь из столицы, оказался уволен прямо у границ того края, где должен был служить. Горюя и не зная, что делать и куда податься, он случайно ткнул концом хлыста в бутылку, полную золотого песка. Выяснив, какое богатство ему досталось, он отправился к другому наместнику, своему знакомому, устроил свои дела, продвинулся по карьерной лестнице, а спустя несколько лет повстречал того самого наместника на заставе, где теперь сам служил смотрителем. Теперь он отомстил за себя, и рассказчик заключает, что слишком жестоко обходиться с людьми невыгодно.

«Рассказ о том, как рудокоп из Ното отправился в край Садо и нашёл там золото» (26–15). В краю Ното рудокопы рассказывали друг другу, что будто бы на острове Садо есть место, где золото выходит на поверхность земли. Эти разговоры случайно услышал наместник и сговорился со старшим рудокопом, что даст ему лодку и всё необходимое, а тот съездит и проверит. Рудокоп отправился в путь, долго отсутствовал, так что наместник о нем позабыл, а потом появился и передал наместнику увесистый сверток. В свертке оказалось золото. Но при передаче наместник не задержал рудокопа, а потом тот пропал, и найти его так и не удалось.

«Рассказ о том, как подчинённый господина Садасигэ из Западных земель в местечке Ёдо купил жемчужину» (26–16). Жемчужину размером с соевый боб сначала купил у торговца подчиненный господина Садасигэ, отдав за нее кафтан со своего плеча. Он решил, что заплатил слишком дорого, и расстроился, а потом решил продать жемчужину. Господин Садасигэ брал ткань под залог мечей у капитана китайского торгового судна, и подчиненный предложил жемчужину одному из китайцев с этого корабля, потребовав за неё десять рулонов ткани. Китаец готов был заплатить эту цену, но подчиненный передумал, боясь продешевить. Тогда китаец, видевший жемчужину, донес о ней своему капитану, и тот попросил господина Садасигэ показать ему жемчужину. Подчиненного заставили ее отдать, китаец-капитан отдал за нее весь залог, и тем дело и кончилось. Больше ни о жемчужине, ни о ее цене никто ничего не слышал.

«Рассказ о том, как главнокомандующий Тосихито в молодости ездил с чиновником пятого ранга из столицы в Цуругу» (26–17). Как-то на пиру у регента полунищий (по меркам окружающих) пожилой чиновник додел бататовую кашу и мечтал наесться ее всласть. Его услышал Фудзивара-но Тосихито. Ради развлечения Тосихито заманил чиновника в свой дом в краю Этидзэн и там наварил для него невероятное количество бататовой каши. По дороге Тосихито и чиновник повстречали лисицу, Тосихито ее изловил и велел ей передать домашним весть о приезде хозяина с гостем. Та передала, вселившись в жену Тосихито. История заканчивается хорошо: Тосихито держал чиновника у себя в гостях месяц, а потом отпустил в столицу с богатыми дарами. Этот рассказ лег в основу знаменитой новеллы Акутагава Рюносукэ «Бататовая каша» («*Имогаю*», 1916 г.)

«Рассказ о том, как святой мудрец Канкэн ещё в мирской жизни повстречал вора» (26–18). В дом к Канкэну забрался вор, но хозяин пожалел его, укрыв от домочадцев и отпустил. Спустя несколько лет Канкэн ездил в восточные края, а на пути обратно в столицу подвергся нападению разбойников. Они распугали его спутников, а его самого увезли далеко в горы. Канкэн думал, что его убьют, но в разбойничьем стане его встретил сам атаман, накормил и оказал ему очень теплый прием. На следующий день разбойники проводили Канкэна домой, вручили ему два мешка с подарками от атамана, и среди ценных даров Канкэн нашел письмо. Там было написано, что атаман и есть тот воришка, которого он некогда отпустил. Рассказчик заключает, что с людьми лучше обращаться хорошо, ведь это зачтется.

«Рассказ о том, как путник ехал на восток, а в доме, где он ночевал, женщина родила дитя» (26–19). Некий человек заночевал в пути в доме, где дочь хозяйки как раз родила дитя. Находясь в отведенной ему комнате, постоялец увидел духа, который произнес: «В восемь лет... погубит себя». Путник не понял, что это дух, никому не сказал о происшествии и утром поехал дальше. Спустя девять лет он остановился в том же доме по пути обратно и, беседуя с хозяйкой, узнал, что родившийся тогда мальчик год назад погиб в результате несчастного случая. Тогда постоялец и хозяйка обсудили видение и догадались, что то было злое пророчество⁸.

«Рассказ о девочке с востока, которая погибла, сцепившись в драке с собакой» (26–20).

В стародавние времена в уезде [...] края [...] жил один человек. Дома ему прислуживала девочка-подросток лет двенадцати-тринадцати. А его сосед держал белую собаку. Почему — неизвестно, только каждый раз, когда эта собака видела девочку, она норовила её укусить, будто врага.

Девочка, в свою очередь, не упускала случая ударить собаку, если та вдруг попадалась ей на глаза. Все, кому доводилось это видеть, изумлялись до крайности. Как-то девочка заболела — заразилась во время поветрия. Дни шли, и ей становилось всё хуже и хуже, так что хозяин решил выгнать её из дому. Девочка сказала:

— Если вы отправите меня туда, где никого нет, собака точно загрызет меня до смерти. Даже пока я была здорова и вокруг были люди, она норовила меня укусить всякий раз, как встретит. А уж если рядом не будет ни одного человека, а я буду лежать больная, она непременно загрызет меня! Раз уж вы меня выгоняете, пожалуйста, сделайте это так, чтобы собака ничего не знала.

Хозяин ответил:

— И то правда.

Снабдил девочку всем необходимым и тайком отвез в одно место подальше от дома. На прощание хозяин утешил девочку, сказав:

— Я непременно буду раз или два в день посылать людей проведать тебя.

И уехал.

В тот день и на следующий собака была [на своем месте, поэтому хозяин] был уверен, что она не знает, где девочка, и не беспокоился. Но ещё через день собака пропала. Хозяин заволновался и отправил людей в то место, где теперь была девочка. Но когда они пришли туда, то увидели, что девочка загрызена. Оказалось, что девочка и собака закусали друг друга до смерти.

Вернувшись, посланные рассказали обо всем, что видели. Владелец собаки и господин девочки вместе отправились туда, убедились сами в том, что произошло, и оба преисполнились страха, изумления и скорби.

Люди дивятся этой истории и говорят:

— Как подумаешь, ясно, что эти двое были врагами не только в теперешней жизни!

Так передают этот рассказ.

«Рассказ о том, как один подвижник совершил обряд для хозяйки дома и был убит» (26–21). Один охотник ушел в горы, оставив дома молодую жену. В его отсутствие к дому пришёл монах-странник и начал читать сутры. Жене, которая вышла одарить его, он объяснил, что знает один весьма действенный обряд, и уговорил ее провести этот

обряд. Когда же они вдвоем отправились в горы и совершили обряд по всем правилам, жена хотела вернуться домой, но монах не отпустил её и затащил в кусты, чтобы изнасиловать. Случайно как раз в это время по дороге проходил муж. Он подумал, что в кустах какой-то зверь, и выстрелил. Монах оказался застрелен насмерть, а муж, разобравшись, в чем дело, вернулся с женой к себе в дом.

«Рассказ о том, как почтенного монаха убили в доме, где он ненадолго остановился» (26–22). Один почтенный монах по приглашению мирян отправился из храма читать сутры на другой конец столицы и решил надеть дорожное платье, а уже на месте зайти в домик простолюдинки переодеться. К несчастью, муж той женщины, с которой он договорился, принял его за любовника жены и заколол мечом. Монах погиб, мужа и жену арестовали, и рассказчик отмечает, что не стоит без крайней нужды высшим посещать дома низших.

«Рассказ о том, как житель Кюсю играл в “двойные шестерки” и хотел убить своего соперника, но сам был убит служанками» (26–23). Один сильный и свирепый воин играл в «двойные шестерки» (*сугороку*, игра, похожая на нарды) со своим зятем, не отличавшимся особой силой. Во время игры они поссорились, воин напал на зятя, хотел заколоть его мечом, но не сумел сделать это быстро. Зять же громко звал на помощь, и его крики услышали служанки, толкшие рис. Мужчин в доме не было, но служанки набросились на воина с колотушками и забили его до смерти.

«Рассказ о том, как житель края Ямасиро выстрелил из лука в своего старшего брата, но стрела пролетела мимо и тот остался жив» (26–24):

В стародавние времена в краю Ямасиро, в уезде [...], в деревне [...] жили два брата. Как-то так сложилось, что младший брат в глубине души все думал, как бы убить старшего, и выжидал, пока представится подходящий случай. Старший же ничего об этом не знал.

Однажды младшему брату показалось, что ему представился случай [осуществить задуманное]. Как-то вечером, после двадцатого дня двенадцатого месяца, старший отправился в гости к соседу, что жил поблизости. За едой, напитками и беседой он засиделся допоздна. Младший подумал: «Вот удобный случай». Когда уже совсем стемнело, он взял лук и стрелы, подошел к ограде того дома, где был его брат, и притаился у ворот, рассудив: «Когда старший будет выходить, я смогу одной стрелой уложить его насмерть». Пока он так стоял и думал, тьма становилась все гуще.

«Сейчас они кончат беседовать, и старший наконец выйдет», — думал младший. Старший же, ничего не подозревая, закончил беседу и вышел вместе со слугой-коротышкой, который нес перед ним факел. Младший обрадовался, наложил на лук большую стрелу, натянул тетиву посильнее и выстрелил. С расстояния в 1 *тан* (10 м. — *М.Б.*) даже самый бестолковый стрелок не смог бы промахнуться, а тем более младший брат, который славился меткостью. «Точно в цель попал. Должно быть, прямо в грудь ему», — подумал он. Но стрела просвистела — фью! — как будто пролетела мимо. «Что такое?» — удивился младший и собрался выпустить вторую стрелу. Старший, ничего не подозревая, открыл дверь, чтобы выйти, и тут услышал совсем близко от себя звук выстрела из лука и увидел стрелу. Ему показалось, что она попала прямо ему в живот, но она просвистела мимо — фью! — и он, ошарашенный, отступил обратно в дом, закрыв дверь.

Старший брат, пораженный, осматривается и ничего не понимает: при нем был меч, и вдруг прямо в раковину на рукояти этого меча попала стрела, чуть не попав в него самого. Увидев это, он отступил. Люди из того дома тоже увидели, [что случилось], и поднялся переполох. Услыхав шум, сбежались соседи, все похватали луки и стрелы, зажгли факелы, кинулись искать [стрелка]. Но кого же они могли найти, если младший брат к тому времени уже давно сбежал?!

Никто не знал, что всё это устроил младший брат. Но в конце концов люди нашли стрелу, которая была выпущена из лука в ту ночь, и опознали ее: как

раз такими пользовался младший брат. Теперь уж хранить тайну оказалось невозможно.

Раз уж случилось такое, непременно нужно было во всем разобраться. Но хоть так и вышло, никто не знал, [как тут рассудить]. Историю эту рассказал человек, который слышал ее от своего старшего брата.

Историй, где рассказчик прямо говорит о воздаянии *сюкухо*:, в свитке всего четыре: 26–1, 26–3, 26–4 и 26–22. В других девяти (26–5, 26–7, 26–8, 26–11, 26–12, 26–14, 26–16, 26–18, 26–19) упоминается просто «воздаяние». Ещё в пяти рассказах (26–2, 26–10, 26–13, 26–20 и 26–21) нам сообщают, что произошедшие события как-то связаны с прошлыми существованиями героев (здесь используются сочетания «в прежних рождениях», *сюкусэ*, и «в прошлой жизни», *дзэнсэ*). В оставшихся пяти рассказах (26–9, 26–15, 26–17, 26–23 и 26–24) прямых указаний на воздаяние нет, слушателям и читателям предлагается самим сделать вывод, что описанные события случились не просто так, а в связи с какими-то событиями из прошлых рождений героев. Хотя в историях 26-го свитка прямая речь используется постоянно, только в двух из них о воздаянии говорят сами герои в ходе повествования: в рассказах 26–3 (см. выше) и 26–12, где Потомок Фукэси, сам говорит, что ему суждено погибнуть (*канарадзу синубэки хо:-но аритэ*, «в силу воздаяния я непременно должен умереть»). Правда, он не только остается жив, но и получает пояс, что тоже интерпретируется как воздаяние, на этот раз благое (*фукухо*:). Эта оценка дается в заключительном пассаже, и точно так же обстоит дело со всеми остальными историями, где упоминается воздаяние. Вообще наличие краткого «заключения», в котором повествователь предлагает некую рефлексию над тем, о чем шла речь, одна из характерных черт «*Кондзяку*». Исследователи высказывают различные предположения о роли таких концовок⁹, но во всяком случае ясно, что с их помощью рассказчик влияет на то, как слушатели воспримут историю, какие выводы для себя они сделают.

Сюжеты в литературе *эцува* часто кочуют из одного сборника в другой, повторяют китайские сказания и вообще не претендуют на оригинальность. В них может меняться позиция рассказчика, степень подробности, стиль повествования. 26-й свиток в этом смысле довольно своеобразен, поскольку для половины вошедших в него историй исследователи до сих пор не обнаружили пересечений с другими сборниками¹⁰. Показателен первый рассказ, о девочке, которую в младенчестве унес орел: он есть в ряде памятников и в первую очередь, в «Японских легендах о чудесах» (1–9), повествующих, как мы помним, о прижизненном воздаянии. Там в конце истории рассказчик говорит: «Воистину: Небо сжалилось и помогло ему (отцу. — М.Б.). Глубока связь между отцом и ребенком» [Нихон рёйки 1995, 49]. В «*Кондзяку*» же уточняется, что речь идёт именно о воздаянии *сюкухо*: (*корэ-мо дзэнсэ:-но сюкухо:-ни косо ва арикэмэ. Фуси-но сюкусэ-ва каку наму арикэру*, «Верно, таково воздаяние за поступки, совершенные в прошлых жизнях: должно быть, эти двое и тогда были отцом и дочерью»). Так же расставлены акценты в других историях, вошедших в 26-й свиток.

Интересно посмотреть, что, кроме заключительного объяснения, позволяет отнести все эти рассказы к теме «о воздаянии за поступки, совершенные в прошлых жизнях». Во-первых, кажется, что это необычность происходящего в сочетании с отсутствием явной причины, которая могла бы повлечь за собой подобные события. Самая частая эмоция, которую испытывают персонажи рассказов 26-го свитка, удивление. События могут описываться словами «странное» (*кии/асамаси*) или «удивительное» (*кай/аяси*), но это всегда что-то, что выбивается из привычного порядка вещей. Там, где речь идет о прижизненном воздаянии, например, в 20-м свитке «*Кондзяку*», есть и то, что человек совершает, и то, что он получает в качестве плода своего деяния¹¹. Здесь же во всех историях есть чудо, которое происходит на подчеркнуто обыденном фоне. Например, родители забывают привязать лодку, в которой остались их дети (26–10) — можно подивиться их беспечности, но во всяком случае ничего необъяснимого тут нет. Даже сверхъестественные обстоятельства (божество-обезьяна в рассказе 26–8 или змея и многоножка в рассказе 26–9) описываются как некая данность, с которой герои взаимодействуют так же, как с обычным миром: договариваются, хитрят, преодолевают силой.

Повествование выстроено так, что слушателям ясно: чудо произошло без видимых причин. Противоречить этому утверждению могла бы, пожалуй, только одна история из 26-го свитка. Деталь, превращающая этот рассказ в контрпример, заключается в том, что герой повествования, монах, воспылил преступной страстью к женщине и пытался изнасиловать ее. Но рассказчик специально уточняет, что печальный конец подвижника обусловлен его деяниями в прошлых существованиях, а не в этом.

Во-вторых, бросается в глаза, что очень многие рассказы в 26-м свитке повествуют о людях в тот период их жизни, когда их личности еще не окончательно сформировались. Либо это дети: маленькие, подростки или юнцы до двадцати лет (рассказы 26-1, 26-2, 26-3, 26-5, пропущенный рассказ 26-6, 26-7, 26-8, 26-10, 26-19, 26-20); либо рассказы о выдающихся людях, но до того, как они обрели известность (26-4, 26-17, 26-18). В сумме это больше половины рассказов. Получается, что если мы не можем найти причину происходящего в действиях, которые человек совершил в этой жизни (так, дети чаще всего просто не успели ничего сотворить), ее нужно искать в прошлых существованиях.

Обе особенности подводят нас к гипотезе, что составители «*Кондзяку*» стремились представить как воздаяние все, что происходит с людьми. Если так, то 26-й свиток, служа этой большой цели, призван показать: даже если происходит нечто необъяснимое, причины чего мы не можем обнаружить, оно происходит не само по себе, причина есть, просто она скрыта где-то в прошлых существованиях. Всё происходящее — воздаяние, *хо:*, а то, что не может быть объявлено прижизненным воздаянием в силу отсутствия обусловивших его действий, является «воздаянием за поступки, совершенные в прошлых жизнях». Чуть-чуть изменив угол зрения, можно вписать в эту схему и историю с распутным подвижником. В ней обнаруживается не двойная, а тройная цепочка: некогда в прошлых жизнях он, видимо, как-то грешил, воздаяние за это настигло его в форме охватившей вдруг похоти и неспособности совладать с ней, а уже затем он оказался прострелен насквозь. Эта история перекликается с рассказом 26-2, где житель столицы, по всей видимости, тоже натворил в прошлых жизнях что-то такое, что заставило его поддаться похоти. Но его грехи были, очевидно, не настолько ужасны, и история закончилась счастливо.

Так мы вновь переходим от ретроспективы ко взгляду вперед, в будущее: прежде чем что-то сотворить, стоит хорошенько подумать, готов ли ты принять неизбежные последствия своих деяний, ведь они настигнут непременно, в этой жизни или в любой из последующих. По сути, это и есть закон кармы в действии.

Примечания

¹ Например, в базовом для буддийской философии трактате «Абхидхарма-коша» Васубандху (яп. «*Куся-рон*», IV в. н.э.), а из тех, что особенно чтили в Японии, в «Сутре о сетях Брахмы» (яп. «*Боммо:-кё:*»).

² Сэцува — жанр средневековой японской литературы, объединяющий легенды, сказки и притчи. На русском языке о самом этом жанре и о дошедших до нас сборниках сэцува см.: [Свиридов 1981].

³ Его полное название: «Записи о чудесах дивных воздаяния прижизненного за добрые и злые дела, случившиеся в стране Японии» («*Нихонкоку гэмпо: дзэнъяку рё:ики*», сост. Кёкай, VIII в.); см.: [Нихон рёйки 1995].

⁴ Сохранилось несколько полных его рукописей и множество фрагментов. Я пользуюсь изданиями [Кондзяку 2014–2018 web] и [Кондзяку 1993–1999].

⁵ В японских домах X–XII вв. чердаки обычно были нежилыми. Здесь жители постелили на балки прочные доски и сделали второй этаж, на котором спасались от наводнений.

⁶ Здесь и ниже [...] — лакуны в сохранившемся тексте «*Кондзяку*». Пропуски в «Собрании стародавних повестей» встречаются как на уровне отдельных слов (чаще всего названий тех мест, в которых происходит действие рассказа, но не только их), так и на уровне рассказов и даже свитков. До сих пор до конца не ясно, специально ли оставлены эти пропуски, и если да, то какими соображениями руководствовались авторы.

⁷ Опущено какое-то слово — видимо, название приспособления для разведения костра на деревянном полу.

⁸ Рассказ разобран в работе [Ли 1999].

⁹ См. например: [Smith 1966; Kelsey 1976; Kobayashi 1979] и др.

¹⁰ Другие истории пересекаются с разными собраниями, но чаще всего с «Рассказами, собранными в Удзи» («*Удзи сю:и-моногатари*», XIII в.).

¹¹ Так, житель края Сэтцу убивал быков, потом отпускал быков, а потом посетил царство мёртвых и вернулся оттуда живым (20–15); женщина, обладавшая «легким сердцем», обрела бессмертие и вознеслась на небо (20–42); род человека, творившего добро, процветал много поколений (20–44).

Источнику – Primary Sources

Кондзяку 1993–1999 – Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / Син Нихон котэн бунгаку тайкэй [Новое больше собрание памятников японской классической литературы]. Т. 33–37. Под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюнъити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масато. Токио: Иванами, 1993–1999 (Konno, Tôru et al., eds (1993–1999) *Konjaku monogatari shû*, Iwanami, Tokyo, SNKBT series, Vol. 33–37, in Japanese).

Кондзяку 2014–2018 web – Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / Ятагарасу-наби. Котэн бунгаку дэнси тэкисудо кэнсяку [Портал Ятагарасу. База данных электронных текстов классической литературы]. Под ред. Накагава Сатоси. 2014–2018. http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (Nakagawa, Satoshi, ed. (2014–2018) *Konjaku monogatari shû*, Digital edition, in Japanese).

Нихон рёики 1995 – Нихон рё:ики. Японские легенды о чудесах. Свитки 1-й, 2-й и 3-й. Перевод со старояпонского, предисловие и комментарий А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1995 (*Nihon ryōiki* Translated into Russian by Alexander N. Mescheryakov).

Ссылки – References in Russian and Japanese

Ли 1999 – Ли Сиджун. Кондзяку моногатари-сю: кэн нидзю:року – сюкухо:тан-но иги-о мэгуттэ [26-й свиток «Собрания стародавних повестей»: о значении рассказов о воздаянии за дела прежних жизней] // Хикаку бунгаку бунка ронсю: [Труды по сравнительному литературоведению и культурологии]. Вып. 16 (1999). С. 1–11.

Свиридов 1981 – *Свиридов Г.Г.* Японская средневековая проза сэцува. Структура и образ. М.: Наука, 1981.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 3. P. 86–97

The Meaning of The Notion *Hō* in 26th Volume of *Konjaku Monogatari Shū**

Maya V. Babkova

The article presents analysis of 26th volume of “Konjaku Monogatari Shū”, a great collection of Japanese Buddhist setsuwa tales of XII c. The author aims to describe the meaning of the *shukuho*: notion (a karmic reward for the deeds made in past lives), which is put as the title of the volume. The detailed study shows that stories in volume 26 tell us about strange things which happen without any evident reason and about kids or young people. Both of these characteristics could be understood as serving to the big purpose of the authors of “Konjaku”: to present everything that happens with people as karmic reward. The article also includes translation of three stories from volume 26.

KEY WORDS: setsuwa tales, Buddhism, the law of karma.

BABKOVA Maya V. – Institute of Oriental studies RAS, 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation; School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82/2, Vernadsky prosp., Moscow, 119606, Russian Federation.

* The paper is granted by RFBR, Project No 18-011-00558, “Konjaku monogatari shu in the history of Japanese religious philosophy”.

CSc in Philosophy, Research Fellow, IOS RAS, Senior Research Fellow, SASH
RANEPA.

maya.babkova@gmail.com

Received on October 3, 2018.

Citation: Babkova, Maya V. (2019) “The Meaning of The Notion *Hō* in 26th Volume of *Konjaku Monogatari Shū*”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2019), pp. 86–97.

DOI: 10.31857/S004287440004409-4

References

Kelsey, W. Michael (1976) *Didactics in Art: The Literary Structure of Konjaku Monogatari Shū*, Ph.D. Dissertation, Indiana University, Bloomington.

Kobayashi, Hiroko (1979) *The human comedy of Heian Japan: a study of the secular stories in the twelfth-century collection of tales, Konjaku monogatari shu*, Centre for East Asian Cultural Studies, Tokyo.

Lee, Si Jun (1999) “A Study on Book 26 of the Konjaku-Monogatari-Shū”, *Hikaku bungaku bunka ronshū*, Vol. 16, pp. 1–11 (in Japanese).

Smith, Robert J. (1966) “On Certain Tales of the “*Konjaku Monogatari*” as Reflections of Japanese Folk Religion”, *Asian Folklore Studies*, Vol. 25, pp. 221–233.

Sviridov, Georgy G. (1981) *Japanese Medieval Setsuwa Prose: Structure and Image*, Nauka, Moscow (in Russian).